

Глава 2. Путешествие пилигрима

Бостон, 1706–1723

Семья Франклинов из деревни Эктон

На исходе Средневековья в английских селениях возник новый социальный класс — люди, обладавшие материальным достатком, но не относившиеся к титулованной аристократии. Они гордились своими достижениями, но не предъявляли особых претензий, были напористы в борьбе за свои права и независимость среднего класса. Они получили название «франклины» (franklins) от средневекового английского понятия *frankeley* (буквально «свободный собственник»).

Когда в обиход начали входить фамилии*, семьи из высшего класса чаще всего именовались по названиям своих владений (например Ланкастер или Селисбери). Владельцы поместий иногда использовали названия местных ландшафтов, к примеру Хилл или Медоус. Ремесленники, придумывая себе фамилии, зачастую делали отсылки к профессии (например некая семья Смит, Тейлор или Вивер**). Некоторым же больше всего подходила фамилия Франклин. Самые ранние упоминания о предках Бенджамина Франклина, которые удалось обнаружить, относятся к его прапрадеду Томасу Френклину, или Франклину, родившемуся в 1540 году в деревне Эктон в Нортгемптонshire. Рассказы о его независимой натуре стали частью семейных преданий. «Наша простая семья рано вступила в процесс Реформации**, — писал Франклин. — Случалось, мы подвергались опасности из-за протестов против католицизма». Когда королева Мария организовала кровавую кампанию в поддержку римской католической церкви, Томас Франклин хранил запрещенную Библию на английском языке на обратной стороне складного стула. Этот стул переворачивали, размещали на коленях — и читали Библию вслух, однако, как только мимо проезжал судебный пристав, книгу тут же прятали².

Возникает впечатление, будто настойчивая и в то же время разумная самостоятельность Томаса Франклина в сочетании с умом и находчивостью передались Бенджамину спустя четыре поколения. В семье рождались диссентеры*** и нонконформисты, горящие желанием бросить вызов правительству, однако при этом они не были готовы становиться изуверами. Это были умные ремесленники и изобретательные кузнецы с настоящей жаждой знаний. Заядлые читатели и писатели, они обладали глубокими убеждениями — но знали, что обращаться с ними следует осторожно. Будучи общительными по природе, Франклины часто становились доверенными

* В английской культуре процесс появления фамилий как общих родовых наименований в целом завершился к XV веку, хотя в отдельных областях (Уэлс, Шотландия) он продолжался до XVIII века.
Прим. ред.

** Значение фамилии Смит (Smith) — кузнец, Тейлор (Tailor) — портной, Вивер (Viewer) — весельчак, гуляка, кутила. Прим. ред.

*** Реформация (лат. *reformatio* — «исправление, восстановление») — массовое религиозное и общественно-политическое движение в Западной и Центральной Европе (XVI — начало XVII века), направленное на реформирование католического христианства в соответствии с Библией. Ее начало связывают с выступлениями доктора богословия Виттенбергского университета Мартина Лютера. Прим. ред.

**** Диссентер (англ. *dissenter* — «несогласный») — так в Англии называлось лицо, отказывающееся от официального вероисповедания. Ср. русское «диссидент», или «инакомыслящий». Прим. ред.

лицами соседей, гордились своей принадлежностью к среднему классу независимых лавочников, торговцев и свободных землевладельцев.

Предположение, будто характер человека можно определить, разузнав о его семейных корнях и выявив некие закономерности, присущие его личности, может оказаться обычным заблуждением биографа. И все же наследие семьи Франклинов кажется плодотворной почвой для изучения жизни нашего героя. Характер некоторых людей в высокой степени определяется местом проживания. Чтобы разобраться, к примеру, в биографии Гарри Трумэна, нужно знать устройство штата Миссури в XIX веке; также просто необходимо покопаться в истории и географии Техаса, чтобы исследовать жизнь Линдона Джонсона³. Но на судьбу Бенджамина Франклина местоположение имело не столь сильное влияние. Так повелось, что члены его семьи не жили в одном месте: большинство младших сыновей ремесленников среднего класса делали карьеру, уезжая из родных городов, где жили их отцы. Таким образом, на нашего героя повлияли скорее семья и происхождение, а не место, в котором он жил.

Сам Франклин придерживался той же точки зрения. «Мне всегда нравилось собирать истории и предания, рассказывающие о моих предках», — этой фразой он открывает автобиографию. Будучи зрелым человеком, Франклин имел удовольствие совершить путешествие в Эктон, побеседовать со множеством дальних родственников, изучить церковно-приходские записи и тщательно переписать эпитафии, выгравированные на могильных плитах членов его семьи.

Инакомыслие, которое, как он обнаружил, было присуще его семье, касалось не только вопросов религии. Отец Томаса Франклина, по имеющимся сведениям, был практикующим адвокатом и выступал на стороне простых людей, которых судили по статье, известной как «огораживание». По ней владеющие землей аристократы могли закрыть свои поместья и непускать туда бедных фермеров, которые пасли стада в этой местности. А сын Томаса Генри провел пять лет в тюрьме за стихи, в которых, как заметил один из его современников, «затронуты личности влиятельных людей». Склонность к бунту против элиты и созданию посредственной поэзии так и жила в нескольких поколениях Франклинов.

И сын Генри, также Томас, обладал чертами, которые позже ярко проявились в характере его знаменитого внука. Он был компанейским парнем, любил читать, писать и ремонтировать различную утварь. В юности с нуля сконструировал часы, которые работали на протяжении всей его жизни. Подобно своему отцу и деду, он стал кузнецом, но в маленьких английских поселках кузнецы были на все руки мастерами. Если верить словам его племянника, он «для разнообразия также овладел ремеслом токаря (обрабатывал дерево на токарном станке), оружейного мастера, хирурга, писца — его почерк красивее всех из виденных мной. Он изучал историю и владел некоторыми навыками в астрономии и химии»⁴.

Его старший сын, приняв на себя руководство семейным делом, также стал кузнецом и преуспел, помимо этого, как владелец школы и сборщик податей. Но наша история — не о старших, а о младших сыновьях*: Бенджамин Франклин происходил

* Согласно средневековому праву, действовавшему и во времена Франклинов, семейное дело наследовал старший брат, остальные же устраивали свои судьбы в зависимости от собственных способностей и склонностей. *Прим. ред.*

от самых младших из всех младших братьев на протяжении пяти поколений. Когда человек находится в самом низу, ему приходится добиваться всего самому. Для таких людей, как Франклины, это обычно означало переезд из сел, подобных Эктона (слишком маленьких, чтобы там могло процветать более одного или двух представителей одной и той же профессии), в более крупный город, где они могли приобрести какую-либо профессию.

Обыкновенным делом — в том числе и в семье Франклинов — было отдавать младших братьев в обучение к старшим. Когда младший сын Томаса Джозайя Франклина* в 1670-х годах уехал из Эктона и отправился в близлежащий Оксфордшир (торговый город в Банбери), он пристроился к старшему брату Джону, с которым был дружен. В Банбери тот открыл магазин по продаже и покраске шелка (после суровых дней протектората Кромвеля** Реставрация при правлении короля Чарльза II*** привела к непродолжительному расцвету швейной промышленности).

Находясь в Банбери, Джозайя попал в водоворот второго огромного религиозного кризиса на территории Англии. Первый был делом рук королевы Елизаветы: она желала, чтобы англиканская церковь обратилась от римского католицизма к протестантизму. Однако позже Елизавета и ее сторонники столкнулись с давлением со стороны тех, кто желал пойти еще дальше, «очистив» церковь от каких-либо следов римско-католической традиции. Возросло количество пуритан****, последователей кальвинистов****, защищавших чистоту веры от любых намеков на католицизм; их голоса с особенной отчетливостью слышались в Нортгемптоншире и Оксфордшире. Они делали акцент на приходском самоуправлении, подчеркивая необходимость проповедей и изучения Библии во время богослужений. При этом они гнушались многих украшений, свойственных англиканской церкви, считая их пагубным наследием Рима. Несмотря на свои взгляды в области личной морали, пуритане обратились к некоторым выдающимся представителям среднего класса, подчеркивая значение встреч, бесед, проповедей и личного понимания Библии.

* См. список имен, в котором содержится краткая характеристика лиц, упоминаемых в книге. *Прим. авт.*

** Протекторатом Кромвеля называется период в английской истории (1653–1659) между Английской революцией и Реставрацией Стюартов. Это время отмечено конфликтами правительства Оливера Кромвеля с английским парламентом и утратой целого ряда прав и свобод в стране. *Прим. ред.*

*** Король Англии и Шотландии Чарльз II, или Карл II Стюарт (1630–1685) был коронован в 1650 г. в Шотландии, однако до Реставрации королевской власти в 1660 г. был вынужден скрываться в стране или на континенте от преследований О. Кромвеля. После Реставрации казнил убийц отца, короля Карла I, а останки Кромвеля, как и других деятелей революции, по его приказу были вырыты из могил, повешены и четвертованы. При Карле II установилось разделение власти между королем и парламентом, сформировались политические партии тори и вигов. Проявлял симпатии к католицизму, чем вызвал неудовольствие представителей англиканской церкви. *Прим. ред.*

**** Пуритане — последователи кальвинизма в Англии и Шотландии в XVI–XVII вв. Требовали преобразования англиканской церкви в духе протестантизма и полного ее избавления от католических элементов. *Прим. ред.*

***** Кальвинисты — последователи кальвинизма, развивавшие учение вождя Реформации церкви в Швейцарии (сер. XVI в.) Жана (Иоанна) Кальвина. Главной особенностью его учения является идея безусловного предопределения: Бог предопределил одних людей ко спасению, а других к гибели. Это учение легло в основу второй после лютеранства ветви протестантизма — кальвинизма. Кальвинисты называют себя реформатами, а свое общество Реформатской или Евангелическо-реформатской церковью. *Прим. ред.*

К тому времени, когда Джозайя прибыл в Банбери, город буквально раздирали религиозные распри (во время одного из столкновений толпа пуритан опрокинула знаменитое городское распятие). Семья Франклинов тоже разделилась, однако не до кризиса. Джон и Томас III остались в лоне англиканской церкви; их младшие братья Джозайя и Бенджамин (иногда его называют Бенджамин-старший — чтобы отличить от знаменитого племянника) стали диссентерами. Но, если дело касалось религиозных диспутов, Джозайя никогда не был фанатичен. Записей о семейной вражде по вышеописанным причинам не существует⁵.

Поход на дикие земли

Позже Франклайн будет утверждать, что именно желание «насладиться преимуществами своей религии, оставшись свободным», заставило его отца Джозайю эмигрировать в Америку. В какой-то мере так оно и было. Конец пуританского правления Кромвеля и восстановление монархии в 1660 году привели к притеснению пуритан, вследствие чего многие министры-отступники были изгнаны со своих проповеднических кафедр.

Но брат Джозайи Бенджамин-старший, решаясь на переезд, был, видимо, прав, когда больше внимания обращал на экономические факторы, чем на религиозные. Джозайя не так уж ревностно исповедовал свою веру. Он был близок с отцом и старшим братом Джоном, а ведь оба они остались англиканцами. «Факты свидетельствуют, что Франклинами-пуританами Бенджамином-старшим и Джозайей руководила скорее жажда независимости вкупе с энтузиазмом и практицизмом, а не убеждения», — писал Артур Туртеллот, автор исчерпывающей книги о первых семнадцати годах жизни Франклина⁶.

Больше всего Джозайя волновался, сможет ли прокормить семью. В девятнадцать лет он женился на Анне Чайлд из Эктона и перевез ее в Банбери. Один за другим родились трое детей. Сразу же по окончании обучения Джозайя начал работать в магазине своего брата, который платил ему жалованье. Но бизнес не обеспечивал достаточно средств для содержания двух быстро растущих семей Франклинов, а закон делал невозможным для Джозайи освоение нового ремесла без обучения и практики. Как сказал Бенджамин-старший, «поскольку у него не получалось добиться желаемого, то в 1683 году он отправился в Новую Англию, покинув отца и близких».

История миграции семьи Франклинов, как и самого Бенджамина Франклина, позволяет наблюдать пути формирования американского национального духа. Среди величайших романтических мифов об Америке преобладает тот, в котором говорит-ся: самым главным мотивом первопоселенцев было обретение свободы, в частности религиозной.

Как и большинство романтических американских мифов, этот правдив. Для многих пуритан в XVII веке волна миграции в Массачусетс стала путешествием в поисках свободы вероисповедания (как и несколько последующих наплывов, благодаря которым образовалась Америка). Многие расценивали его как побег от преследований и стремление к независимости. Но, как и в большинстве

американских мифов, некоторые аспекты реальности приукрашены. Многие переселенцы-пуритане, как и многие подобные им в будущем, жаждали прежде всего материальной выгоды.

Однако строгое разделение этих мотивов свидетельствует о непонимании философии пуритан — и самой Америки. Для большинства пуритан, начиная с богатого Джона Уинтропа и заканчивая бедным Джозайей Франклином, путешествие в неизведанный край было предпринято одновременно и по религиозным, и по финансовым соображениям. Колония Массачусетского залива была, в конце концов, выстроена инвесторами, подобными Уинтропу. Она должна была стать коммерческим предприятием — и в то же время божественным «городом на холме». Пуритане не могли думать по принципу «или-или», размежевывая духовные и мирские мотивы. Ведь среди всего, что они завещали Америке, оказалась протестантская этика, учившая людей, что религиозная и экономическая свобода связаны, что трудолюбие — это добродетель, а финансовые успехи не обязательно обязательно противоречить спасению души⁷.

Пуритане с презрением относились к старым римско-католическим верованиям, согласно которым святость требует устраниться от финансовых забот. Напротив, они проповедовали, что предприимчивость — одновременно дар Божий и земной долг. То, что историк литературы Перри Миллер называет «парадоксом пуританского материализма и духовности», для самих пуритан парадоксом не являлось. Зарабатывание денег было одним из способов восславить Бога. Коттон Мэзер* сформулировал это в своей известной проповеди «Христианин и его призвание», прочитанной за пять лет до рождения Франклина. Эта проповедь очень важна, так как она помогала человеку обратить внимание на «некоторые повседневные дела, ведь христианин должен посвящать большую часть своего времени прославлению Бога, совершая благие деяния для других и извлекая пользу для себя». Весьма удобно считать, что Бог благоволит людям, прилежным в своем земном призвании, и, как позже будет сказано в альманахе** Бедного Ричарда, «помогает тем, кто помогает себе сам»⁸.

Таким образом, переселение пуритан создало предпосылки для формирования некоторых качеств Бенджамина Франклина, а также Америки как таковой: вера в то, что духовное спасение и мирской успех одинаково важны, в то, что предприимчивость приближает человека к Богу и что свобода мысли и предпринимательства тесно связаны.

* Коттон Мэзер (Мазер) (1663–1728) — пуританский американский проповедник, религиозный моралист, биолог и медик, писатель, президент Гарварда (1685). Первый американец, избранный в действительные члены Лондонского королевского общества за исследования в области зоологии. Сочинения: «Чудеса незримого мира» («The Wonders of the Invisible World», 1693); «Великие деяния Христа в Америке» («Magna Carta Americana, or The Ecclesiastical History of New England», 1702), «Христианский философ» («Christian Philosopher», 1721), «Стремление к доброму» («Essays to Do Good», 1710). Франклин признавался, что эта книга оставила в его жизни глубокий след. Зарекомендовал себя не с лучшей стороны во время процесса над Салемскими ведьмами — ни в чем не повинными людьми, обвиненными в колдовстве и обреченными на пытки и казнь. Некоторое время Мэзер представлял интересы американских колоний в Англии при дворе Якова II (1685–1688). Затем стал одним из лидеров восстания против влиятельных сторонников Якова в американских колониях. *Прим. ред.*

** В XVIII в. альманахом назывался литературный сборник произведений различных авторов. Однако альманах Франклина в большей степени, чем другие, выражает взгляды одного автора. *Прим. ред.*

Человек твердых убеждений

Джозайе Франклину было двадцать пять лет, когда в августе 1683 года он по морю отправился в Америку со своей женой, двумя малолетними детьми и грудным младенцем — девочкой, которой едва исполнилось несколько месяцев. Плавание на большом корабле, битком набитом сотнями пассажиров, заняло более девяти недель и обошлось семье приблизительно в 15 фунтов, что для такого торговца, как Джозайя, было равно шестимесячному заработка. Это оказалось, однако, разумным вложением капитала. Заработка плата в Новом Свете — в два или три раза выше, а стоимость жизни — значительно ниже⁹.

В городах, выстроенных на новых землях, не было большого спроса на ярко окрашенные ткани и шелк, особенно в пуританских поселениях, таких как Бостон. И в самом деле, закон запрещал носить одежду, которая могла показаться слишком вычурной. Но в отличие от Англии здесь не существовало закона, требующего длительного обучения тому или иному ремеслу. Потому Джозайя и выбрал новое дело, намного менее романтичное, но и более полезное: торговля сальными свечами, переработка животного жира и изготовление свечей и мыла.

Выбор оказался удачным. Свечи и мыло только начинали превращаться из предметов роскоши в массовый товар. Изготовление раствора из останков животных сопровождалось ужасным зловонием. Раствор и жир нужно было варить много часов, и даже самые верные жены с радостью соглашались, чтобы этим занимался кто-то другой. К тому же скот был редкостью, и, приведя животных на убой, люди чаще всего старались добыть как можно больше жира. Как следствие данный сектор торговли не был переполнен. Согласно записи в одном из профессиональных реестров Бостона, сделанной непосредственно перед приездом Джозайи, в городе насчитывалось двенадцать сапожников, трое пивоваров и только один торговец сальными свечами.

Джозайя открыл магазин и снял дощатый дом в два с половиной этажа, размеры которого составляли девять на шесть метров. Находился он на углу Милк-стрит и Хай-стрит (теперь Вашингтон-стрит). Первый этаж представлял собой одну комнату с крошечной кухонькой, пристроенной к задней части дома. Как и в других бостонских домах, окна в нем были совсем небольшими (так легче сохранять тепло), но внутри он был окрашен в яркие цвета — чтобы жилось веселее¹⁰.

На другой стороне улицы стояла Южная церковь (South Church), самый новый из либеральных (сравнительно, конечно) трех бостонских пуританских приходов. Джозайя стал ее прихожанином, иначе говоря, «вступил в ее лоно», спустя два года со дня прибытия.

Принадлежность к церкви являлась для пуритан, по сути, средством установить демократию в обществе. Джозайя оставался всего лишь целеустремленным торговцем, но, принадлежа к Южной церкви, смог сблизиться с такими светилами, как бывший губернатор Саймон Бредстрит или судья Сэмюэл Сиволл, который был выпускником Гарварда и прилежным мемуаристом.

Образ Джозайи как отца семейства вызывал у людей доверие, и вскоре он обрел известность в пуританской гражданской иерархии. В 1697 году ему поручили работу

десятинщика, то есть инспектора морали. В его обязанности входило следить за посещаемостью церкви и благочестивым поведением граждан во время воскресных месс. Вдобавок он должен был стоять на страже общественного покоя, присматривая за «ночными бродягами, пьяницами, нарушителями дней отдохновения... или другими личностями, склонными к дебоширству, неверию, богохульству и атеизму». Шесть лет спустя он стал одним из одиннадцати комендантов, помогавших смотреть за посещаемостью. Хоть эта должность и не оплачивалась, Джозайя упражнялся в искусстве, которым его сын овладеет в совершенстве, — соединять общественную и личную выгоду: он зарабатывал деньги, продавая свечи ночным постовым, которых сам же курировал¹¹.

В автобиографии Бенджамин Франклин дает лаконичный портрет своего отца:

Это был отлично сложенный невысокий мужчина, отличающийся завидным здоровьем и большой физической силой. Он был необычайным человеком: хорошо рисовал, обладал определенными навыками в музенировании и чистым мелодичным голосом; когда он на своей скрипке наигрывал мотивы из псалмов и пел, как то бывало вечером после окончания рабочего дня, его было очень приятно слушать. Помимо этого, он умел неплохо работать руками, и когда возникала необходимость, весьма искусно обращался с инструментами, использующимися в других ремеслах. Но самое важное его умение заключалось в глубоком понимании жизни, а также в рассудительности и благородстве в личных и в общественных вопросах... Я очень хорошо помню, что к нему постоянно приходили солидные люди, чтобы узнать его мнение касаемо городских или церковных дел... Помимо этого, частные лица нередко советовались с ним по различным поводам, его избирали третейским судьей для разрешения спорных вопросов¹².

Можно предположить, что это описание грешит излишком великодушием. В конце концов, нужно понимать: оно является частью автобиографии, написанной Бенджамином с целью воспитать у собственного сына уважение к своему отцу. Далее станет очевидным, что Джозайя, несмотря на всю свою мудрость, был человеком весьма ограниченным. У него имелась склонность тормозить стремления своего сына — на образовательном, профессиональном и даже поэтическом поприще.

Самая главная черта Джозайи воплощена в глубоко пуританской фразе, в которой сплетаются верность идеям предпримчивости и равенства между людьми. Именно ее выгравировал сын на его могильной плите: «Прилежный в своем призвании». Он взял ее из любимой притчи Соломона (Книга притчей Соломоновых 22:29), из абзаца, который часто цитировал своему сыну: «Видел ли ты человека проворного в своем деле? Он будет стоять перед царями, он не будет стоять перед простыми». С насмешливым тщеславием и самоиронией, которыми пропитана его автобиография, Франклин вспомнит в 78 лет: «С той поры я начал смотреть на трудолюбие как на инструмент, благодаря которому можно получить богатство и признание. Оно помогало мне идти вперед, хоть я и не думал, что когда-нибудь действительно преклоню колени перед королями, что, однако, произошло; ведь я стоял

перед пятерыми, а с одним даже имел честь сидеть за столом — когда ужинал с королем Дании»¹³.

По мере того как дело Джозайи процветало, семья его росла; за тридцать четырёх лет у него родилось семнадцать детей. Такая плодовитость была общепринятой среди здоровых и крепких пуритан: у преподобного Сэмюэла Уильярда, пастора Южной церкви, имелось двадцать детей; у знаменитого богослова Коттона Мэзера — пятнадцать. Дети воспринимались скорее как ресурс, а не как ноша. Они помогали по дому и в лавке, выполняя большую часть черной работы¹⁴.

К трем детям, которых Джозайя и Анна Франклайн привезли из Англии, вскоре добавились еще двое, оба они дожили до зрелости: Джозайя-младший, родившийся в 1685 году, и Анна-младшая (1687). Однако затем несчастье внезапно поразило семейство. Три смерти за восемнадцать месяцев. Джозайя трижды шел с похоронной процессией по Милк-стрит к кладбищу при Южной церкви. Первый раз в 1688 году, когда на пятый день жизни умер его новорожденный сын. Затем в 1689, следуя за гробом жены Анны, умершей спустя неделю после рождения еще одного сына. Потом — чтобы похоронить этого сына, умершего неделю спустя. (Тогда за неделю умер каждый четвертый новорожденный Бостона).

Для мужчин в колониальной Новой Англии было в порядке вещей пережить двух или трех жен. К примеру, из восемнадцати женщин, первыми приехавших в Массачусетс в 1628 году, за год умерли четырнадцать. Также не считалось зазорным, когда муж, оставшись вдовцом, быстро находил новую супругу. По сути, как и в случае Джозайи, это часто обуславливалось практической необходимости. В возрасте тридцати одного года он остался с пятью детьми на руках, торговыми обязательствами и лавкой, которую необходимо содержать. Ему нужна была выносливая жена, и чем скорее, тем лучше.

Добродетельная женщина

Так же как и Франклины, Фолгеры (изначально Фолгьеры) были бунтарской семьей, но при этом весьма практичной. В повседневной жизни они также постоянно искали баланс между религиозной и финансовой составляющей. Будучи последователями фламандских протестантов-реформаторов, бежавших в Англию в XVI веке, Фолгеры приехали в Массачусетс с первой волной эмиграции, когда Чарльз I и Уильям Лод, архиепископ Кентербери, обрушились на пуритан. Семья Джона Фолгера, включая восемнадцатилетнего сына Питера, отплыла в Бостон в 1635 году, когда городу едва исполнилось пять лет.

Во время путешествия Питер встретил молодую служанку по имени Мери Моррилл, связанную договором на работу у одного из пуританских министров за границей. После прибытия Питер смог за 20 фунтов освободить ее от договора и женился на ней.

Обретя религиозную и личную свободу, Фолгеры неустанно трудились над тем, чтобы найти возможности финансового роста. Из Бостона они переехали в новое поселение под названием Дэдхем, расположенное вверх по реке, затем в Уотертаун и в конце концов на остров Нантакет, где Питер стал школьным учителем.

Большинство жителей были индейцами, поэтому он выучил их языки, преподавал английский и пытался (с немалым успехом) обратить их в христианство. Являясь бунтарем по натуре, он и сам перешел в другую веру, став баптистом, а это означало, что все преданные ему индейцы, принявшие христианство, теперь должны были следовать за ним и пройти ритуал, необходимый для полного обретения веры.

Активное сопротивление авторитетам можно наблюдать как в семье Франклинов, так и у Фолгеров. Питер — один из бунтарей, которым суждено было изменить колониальную Америку. Будучи писарем суда в Нантакете, он оказался на грани тюремного заключения за неповиновение местному магистрату во время стычки между состоятельными акционерами острова и его растущим средним классом лавочников и ремесленников¹⁵.

Он также написал почти подстрекательский памфлет в стихах, в котором выразил сочувствие индейцам во время так называемой войны короля Филипа в 1676 году. Война, как он объявил, стала результатом гнева Божьего из-за нетерпимости пуританских министров в Бостоне. В его произведении эмоциональность превосходила поэтический талант: «Пусть судьи и министры / посмотрят на себя, / отменят все законы / и их порвут скорбя». Позже его внук Бенджамин Франклин скажет, что поэма была «написана с мужественной откровенностью и располагающей простотой»¹⁶.

У Питера и Мэри Фолгер родилось десять детей, самой младшей из них была девочка Авия, появившаяся на свет в 1667 году. В возрасте двадцати одного года незамужняя молодая женщина переехала в Бостон и поселилась у своей старшей сестры и ее мужа, прихожан Южной церкви. Хоть Авию и воспитывали баптисткой, она вступила в лоно этой церкви вскоре после своего прибытия. К июлю 1689 года, когда уважаемый всеми торговец сальными свечами Джозайя Франклин пришел сюда, чтобы похоронить свою жену, Авия являлась верной прихожанкой¹⁷.

Не прошло и пяти месяцев, как они заключили брак (25 ноября 1689 года). Оба были младшими детьми в многодетных семействах. Удивительно, что оба они дожили до преклонного возраста: он — до восьмидесяти семи, она — до восьмидесяти четырех лет. Долголетие — одна из основных черт, унаследованная ими знаменитым младшим сыном, который и сам дожил до восьмидесяти четырех. «Он был набожным и благоразумным человеком, она — рассудительной и добродетельной женщиной» — эти слова Бенджамин позже выгравировал на их могильном камне.

За последующие двенадцать лет Джозайя и Авия произвели на свет шестерых детей: Джона (родился в 1690 году), Питера (1692), Мэри (1694), Джеймса (1697), Сару (1699) и Эбенизера (1701). Кроме них оставались другие дети от первого брака Джозайи. Всего одиннадцать отпрысков ютились в крошечном домике на Милк-стрит, где, помимо этого, держали жир, мыло и оборудование для изготовления свечей.

Кажется невозможным уследить за каждым членом такого огромного семейства. История семьи Франклинов — лишнее тому подтверждение: увы, в возрасте шестнадцати месяцев Эбенизера утонул в ванне с мыльной водой, которую ему сделал отец. Чуть позже, в том же 1703 году, у Франклинов родился еще один сын, но и тот умер в раннем возрасте.

Бенджамин был следующим ребенком. Он провел детство в доме с десятью старшими братьями и сестрами. Возрастной разрыв с самыми младшими из них составлял семь лет. Позже родились его младшие сестры Лидия (1708) и Джейн (1712), всю жизнь смотревшие на него сверху вниз.

Лихой парень

Бенджамин Франклайн был крещен в день своего рождения, в воскресенье, 17 января 1706 года*. К тому времени Бостону исполнилось 76 лет, он больше не являлся отдаленной пуританской провинцией — город преобразился в кипучий коммерческий центр, заполненный проповедниками, торговцами, моряками и проститутками. В нем насчитывалось более тысячи домов, тысяча кораблей была зарегистрирована в порту и семь тысяч жителей числились в городе (эта цифра увеличивалась вдвое каждые двадцать лет).

Франклайн рос на реке Чарлз и, судя по его воспоминаниям, «как правило, был лидером среди сверстников». Среди излюбленных мест для встреч — солончаковое болото рядом с устьем реки, которое из-за постоянного вытаптывания превратилось в трясину. Под руководством Франклина друзья построили себе причал из камней, предназначенных для постройки дома неподалеку.

«Вечером, когда рабочие разошлись по домам, я собрал несколько своих товарищей, и мы прилежно трудились, словно муравьи, иногда перенося вдвоем или втроем один камень, пока не перетащили все, чтобы построить нашу маленькую пристань». На следующее утро его и остальных маленьких преступников поймали и наказали.

Франклайн рассказывает эту историю в автобиографии для того, чтобы проиллюстрировать, как он говорит, завет своего отца, звучавший так: «Ничего из добытого нечестным путем пользы принести не может»¹⁸. Однако, как и во многих случаях, когда Франклайн начинает иронизировать над собою, он шутит не столько для того, чтобы поведать о своих проступках, сколько для того, чтобы похвастаться качествами лидера. Всю свою жизнь он откровенно гордился способностью организовывать идейные проекты, требующие усилий многих людей.

Дни детства, проведенные Франклином на реке Чарлз, привили ему также любовь к плаванию, сохранившуюся на всю жизнь. Как только он выучился плавать сам и помог научиться друзьям, начал искать способ двигаться быстрее. Осознав, что размеры человеческой руки и стопы невелики, понял, что они не могут выталкивать большие объемы воды, и потому их сила продвижения невысока. Тогда он смастерили две овальные панели с отверстиями для больших пальцев и (как объяснил в письме

* См. раздел «Основные даты жизни и деятельности», где указана краткая хронология событий, описанных в книге. День рождения Франклина 17 января 1706 года. И все другие даты, если не указано иначе, соответствуют григорианскому календарю, который используется сегодня. До 1752 года Британия и ее колонии использовали юлианский календарь (разница составляла одиннадцать дней). В добавок первым днем нового года они считали 25 марта, а не 1 января. Так, по календарю в старом стиле дата рождения Франклина записана как 6 января 1705 года. Для сравнения: Джордж Вашингтон родился 11 февраля 1731 года по старому стилю, но 22 февраля 1732 года — по новому, как мы сейчас и считаем. *Прим. авт.*

к другу) «также нацепил на подошвы ног подобие сандалий». С этими лопатками и ластами у него получилось двигаться в воде быстрее.

Воздушные змеи также ему пригодились — что Бенджамин и продемонстрирует позже. Запуская один из них, он разделялся и нырнул в пруд, затем, плывя на спине, катался по воде, пока змей тащил его по поверхности. «Один из мальчишек помогал мне переносить одежду, пока я плыл, — вспоминал он. — Переплывая пруд с помощью змея, который тащил меня за собой, я не чувствовал ни капли усталости и получил невероятное удовольствие»¹⁹.

Один инцидент, не включенный в автобиографию (хотя о нем Франклайн вспоминал почти семьдесят лет спустя, желая позабавить парижских друзей), приключился, когда он встретил мальчика со свистулькой. Зачарованный этим устройством, он выложил за него все монеты, найденные в карманах. Дома старшие братья и сестры высмеяли его, объявив, что брат заплатил в четыре раза дороже, чем стоила свистулька. «Я рыдал от досады, — припоминал Франклайн. — Мои мысли принесли мне скорее огорчение, нежели удовольствие». Он не просто считал бережливость положительным качеством: она была ему еще и приятна. «Трудолюбие и экономия, — напишет он, формулируя тему альманаха Бедного Ричарда, — то “орудие”, благодаря которому человек может стать состоятельным, а значит, блиости добродетель»²⁰.

Когда Бенджамину было шесть лет, семья переехала из тесного двухкомнатного домика на Милк-стрит, где выросли все четырнадцать детей, в более просторный дом, где также размещалась лавка, — в самом центре города, на пересечении улиц Ганновер и Юнион. Матери было сорок пять лет, и в этом году (1712) она родила последнего своего ребенка, девочку Джейн, ставшую любимой сестрой Бенджамина. Они поддерживали переписку всю жизнь.

Новый дом Джозайи Франклина, притом что число детей, все еще проживающих с ним, уменьшалось, позволил ему приглашать на ужин интересных гостей. «За наш стол, — вспоминал Бенджамин, — ему нравилось как можно чаще приглашать друга или соседа, с которым можно было завести умную беседу. Он всегда придавал особое значение выбору темы разговора, либо оригинальной, либо полезной, которая могла положительно повлиять на мышление его детей».

Как утверждает Франклайн в своей автобиографии, разговоры были настолько увлекательными, что он «мало замечал или и вовсе не замечал», какие блюда подавались на ужин. Такая тренировка приучила его быть «идеально невнимательным» к еде, это свойство сохранилось на всю жизнь. Он считал его «очень удобным», хотя, возможно, и преувеличивал свою неприхотливость — если принять во внимание количество рецептов американских и французских кулинарных изысков, найденных среди его бумаг²¹.

Помимо этого, новый дом позволил Франклина приютить брата Джозайи Бенджамина, который эмигрировал из Англии в 1715 году в возрасте шестидесяти пяти лет, когда его тезке было девять. Как и Джозайе, старшему Бенджамина Новый Свет показался неудачным местом для прежнего ремесла красильщика шелка. Но, в отличие от Джозайи, у него не было желания обучаться новому ремеслу. Поэтому он целыми днями сидел в доме Франклинов и писал плохие стихи (включая автобиографию из ста двадцати четырех четверостиший), вел учет полезной семейной истории

и посещений проповедей, забавлялся с племянником, постепенно начиная действовать брату на нервы²².

Дядя Бенджамин жил у Франклинов на протяжении четырех лет, не особо волнуясь по поводу недовольства не только брата, но и иных случаях и племянника. В конце концов он переехал к собственному сыну Сэмюэлу, ножовщику, который также иммигрировал в Бостон. Спустя годы младший Бенджамин в письме сестре Джейн с юмором вспоминал о «спорах и непонимании», которые выросли между его отцом и дядей. Урок, который извлек его отец из этого родственного визита, «был настолько ощутимым, что они не сумели расстаться хорошими друзьями». В альманахе Бедного Ричарда Франклин позже сформулировал это еще точнее: «Гости, как рыба, начинают дурно пахнуть спустя три дня»²³.

Образование

Планировалось, что Бенджамин станет обучаться профессии пастора: десятый сын Джозайи должен был стать своеобразной «десятиной», отданной Богу. Дядя Бенджамин активно поддерживал эту идею; среди прочих выгод этого плана ему виделась возможность работать со старыми проповедями из архивов. Десятилетиями он исследовал речи лучших проповедников и записывал их слова, придумав свою собственную стенографическую систему. Его племянник позже будет с иронической усмешкой вспоминать, как он «предложил отдать мне все его рукописные тома, полагаю, для того, чтобы обеспечить базовый запас литературы для начала обучения».

Когда сыну исполнилось восемь лет, Джозайя отослал его в бостонскую Латинскую школу для подготовки в Гарвард. Там учился Коттон Мэзер, туда же поступил его сын Сэмюэл. Хотя Франклин относился к наименее привилегированным ученикам, он превзошел других уже на первом году обучения. Имея поначалу среднюю успеваемость, быстро достиг высокой, после чего перескочил через класс и был зачислен на старший курс. Несмотря на успех, Джозайя резко передумал посыпать его в Гарвард. «Мой отец, — писал Франклин, — был вынужден заботиться о многочисленной семье и не мог без существенных затруднений выплачивать взносы в колледж».

Это экономическое объяснение неудовлетворительно. Семья была достаточно зажиточной, к тому же теперь в доме осталось меньшее количество детей (только Бенджамин и две его младшие сестры), чем на протяжении многих предшествующих лет. В Латинской школе не взимали плату за обучение, и как лучший ученик в классе Бенджамин с легкостью выиграл бы стипендию в Гарвард. Из сорока трех студентов, которые поступили в колледж в намеченный для Франклина год, только семеро принадлежали к состоятельным семьям; десять были сыновьями торговцев, а четверо — сиротами. Университет в это время тратил около одиннадцати процентов своего бюджета на финансовую помощь (больше, чем выделяется в наши дни)²⁴.

Скорее всего, существовала иная причина. Джозайя пришел к выводу, что его младший сын просто не подходит на должность духовного лица. Бенджамин был

скептическим, озорным, любопытным и не очень почтительным. Недаром он мог так долго смеяться над замечанием дяди, что, мол, для нового проповедника весьма полезно начать свою карьеру, опираясь на опыт изученных чужих проповедей. Существует много смешных историй о живом уме и проказливом характере Франклина. И — ни одной, где он выглядит набожным или преданным членом церкви.

Как раз наоборот. История, которую Франклин рассказал своему внуку, но не включил в автобиографию, показывает его как юношу, дерзкого в вопросах религии. Он мог отпускать шутки насчет церковных служб, которые воплощали каноны пуританской веры. «Доктор Франклин, будучи ребенком, находил утомительными длинные религиозные тексты, которые отец читал до и после трапез, — пишет его внук. — Однажды, после того как провизия на зиму была засолена, Бенджамин сказал отцу: «Я думаю, что если бы ты прочитал одну молитву над этими бочками, то сэкономил бы очень много времени»»²⁵.

Бенджамина на год записали в академию, обучавшую письму и арифметике. Школа располагалась в двух кварталах от его дома, в ней преподавал мягкий, но деловитый учитель по имени Джордж Браунелл. Франклин преуспел в письме, но провалил математику — школьный пробел, который он так никогда и не восполнил должным образом. Все это в сочетании с отсутствием академических занятий со временем предоставило бы ему судьбу всего лишь изобретательного ученого своей эпохи. Но он никогда не смог бы превзойти наимудрейших гениев-теоретиков, таких как Ньютона.

Как бы все сложилось, если бы Франклин все же получил официальное академическое образование и учился в Гарварде? Некоторые историки, подобно Артуру Туртллоту, утверждают, что тогда Франклину суждено было лишиться присущих ему «спонтанности» и «интуитивности». Он утратил бы «энергию», «свежесть» и «скорость» мысли. И действительно, Гарвард славился такими или даже худшими издержками.

Но причин для предположений, что подобное могло случиться с Франклином, слишком мало. Говорить так нечестно по отношению и к нему, и к Гарварду. Но, если принять во внимание его скептический склад ума и аллергию на авторитеты, становится понятно: вряд ли Франклин стал бы священником, как планировалось. Из тридцати девяти учеников его предполагаемого класса менее половины стали религиозными деятелями. Его мятежную природу это учреждение скорее поощрило бы, нежели подавило; в то время администрация колледжа яростно сражалась с чрезмерным количеством гулянок, обжорством и пьянством, которые распространялись все быстрее.

Талант Франклина также проявлялся в разнообразии его интересов, начиная от науки и заканчивая политикой, дипломатией и журналистикой. Ко всем этим сферам он подходил с практической, а не теоретической точки зрения. Поступи он в Гарвард, широта кругозора не обязательно исчезла бы, ведь колледжем управлял либерал Джон Леверетт, который не подчинялся жесткому контролю пуританского духовенства. К 1720-м годам в этом учреждении можно было слушать такие курсы, как физика, география, логика и этика. Здесь также были представлены классические литература и языки, теология, над Массачусетским холмом размещалась

обсерватория. К счастью, Франклайн, вероятно, получил нечто, дававшее столько же знаний, сколько Гарвардское образование: знания и опыт издателя, печатника и журналиста.

Подмастерье

В возрасте десяти лет, недоучившись два года, Франклайн начал работать полный день в отцовском магазине, помогал изготавливать и продавать свечи и мыло. Он заменил своего старшего брата Джона, который отработал срок подмастерья и уехал, чтобы открыть собственное дело на Род-Айленде. Эта работа приносила мало удовольствия (отвратительнее всего было снимать накипь топленого жира, варившегося в котлах, а обрезание фитилей оказалось совершенно бездумным занятием). Осознав это, Франклайн вполне отчетливо выказал свою неприязнь к работе. Еще более зловещее впечатление производила его неприкрытая склонность к мореплаванию, не побежденная даже тем, что брат Джозайя-младший незадолго до того затерялся в морских глубинах.

Опасаясь, что сын «вырвется на свободу и отправится в море», Джозайя брал его с собой на длительные прогулки по Бостону, чтобы он поглядел на других ремесленников. Так отец мог «наблюдать за моими склонностями и пытаться перенаправить их в некое русло, которое удержало бы меня на земле». Благодаря этому Франклайн на всю жизнь сохранил уважение к труду ремесленников и торговцев. Хорошо разбираясь в некоторых ремеслах, умел мастерить различные вещи. Это сослужило ему хорошую службу, когда он занимался изобретательской деятельностью.

В конечном счете Джозайя пришел к выводу, что из Бенджамина выйдет отличный ножовщик, который будет изготавливать ножи и затачивать лезвия. Так и получилось: он проходил обучение у сына дяди Бенджамина, Сэмюэла, вот только длилось это всего несколько дней. Сэмюэл потребовал плату за обучение, поразившую Джозайю своими размерами — особенно с учетом истории о гостеприимстве с отягчающими обстоятельствами, которая имела место со старшим Бенджамином²⁶.

И вот так, скорее случайно, чем преднамеренно, молодой Бенджамин в конечном счете стал подмастерьем своего старшего брата Джеймса. Это произошло в 1718 году, когда ему было двенадцать, а Джеймсу — двадцать один. Незадолго до этого старший брат вернулся в Новый Свет из Англии, где приобрел профессию печатника. Поначалу своеобразный молодой Бенджамин заартачился и не хотел подписывать договор на обучение; он был немного старше того возраста, в котором обычно начинают проходить практику, а его брат потребовал учиться не обычные семь, а целых девять лет. В итоге Бенджамин подписал бумаги, хотя ему и не суждено было учиться до двадцати одного года.

Будучи в Лондоне, Джеймс увидел, как уличные певцы массово штамповали оды и разносили их по кафе. Он безотлагательно усадил Бенджамина за работу: тот не только популяризовал его печатное дело, но и писал стихи. С подачи дяди молодой Франклайн написал две работы, в основу которых легли истории из новостей. Обе были посвящены морской тематике: одна повествовала о семье, погибшей во время кораблекрушения, другая — об убийстве пирата, известного под именем Черная

Борода. Франклин вспоминал, что они были «никуда не годным хламом», но прода-вались хорошо, и это льстило его самолюбию²⁷.

Герман Мэлвилл однажды напишет, что Франклин был «кем угодно, но только не поэтом». Его отец, по природе совсем не романтик, также придерживался этой точки зрения, и именно он положил конец рифмоплетству сына. «Мой отец расхола-живал меня, высмеивая мои произведения и рассказывая, что составители стихов, как правило, заканчивали попрошайками; так я избежал участи поэта, почти навер-няка плохого».

Когда Франклин поступил в ученичество, в Бостоне имелась только одна газе-та — «Бостон Ньюс-лэттер», которую в 1704 году начал выпускать успешный печат-ник по имени Джон Кэмблл, бывший также начальником почты в городе. Тогда, как и сегодня, преимущество в медийном бизнесе оставалось за теми, кто мог контро-лировать как содержание, так и распространение своей продукции. Кэмблл сумел объединить свои усилия с усилиями знакомых почтмейстеров, охватив территорию от Нью-Хэмпшира до Виргинии. Его книги и бумаги, в отличие от материалов других печатников, рассыпались по этому маршруту бесплатно, а почтмейстеры из сооб-щества постоянно снабжали его новой информацией. К тому же благодаря своей офи-циальной должности он мог объявить, что газета «издавалась с разрешения власти»: в то время это служило своеобразной рекомендацией, ведь прессы не могла похва-статься независимостью.

Соединение профессий почтмейстера и издателя газет было настолько естествен-ным, что когда Кэмблл потерял должность, его преемник Уильям Брукер пред-ложил ему возглавить газету. Кэмблл крепко схватил поводья, из-за чего Брукеру пришлось в декабре 1719 года запустить конкурента — «Бостонскую газету». Чтобы выпустить ее, он нанял Джеймса Франклина, самого дешевого печатника в городе.

Но после двух лет Джеймс потерял контракт на издание газеты и отважился на смелый шаг. Он запустил издание, ставшее во всех колониях первым и единствен-ным независимым и при этом имевшим литературный уклон. Еженедельник *New England Courant*, без сомнений, не «опубликовали бы при поддержке властей»²⁸.

Газета *Courant* осталась в истории в основном благодаря тому, что в ней впервые публиковалась проза Бенджамина Франклина. А Джеймс запомнился всем жестоким и нетерпимым хозяином, каким он описан в автобиографии брата. Однако справед-ливости ради нужно сказать, что *Courant* заслуживает памяти как первая газета, хра-бро отвергшая социальные, экономические и этические принципы господствующих классов. Эта газета помогла создать национальные традиции прессы, независимой от власти. «Первая попытка бросить вызов нормам», — писал историк литературы Перри Миллер²⁹.

В это время вызов властям Бостона означал вызов семье Мэзеров и месту пурит-анского духовенства в мирской жизни: вопрос, который Джеймс поднял на первой странице первого номера. К сожалению, он ввязался в битву, посвященную вакцина-ции против оспы, и присоединился не к тому лагерю.

Оспа регулярно истребляла население Массачусетса спустя девяносто лет после его основания. Вспышка болезни в 1677 году унесла семьсот жизней (двенадцать про-центов населения). Во время эпидемии 1702 года, когда три ребенка в семье Коттона

Мэзера заразились, но все же выжили, он начал изучать заболевание. Несколько лет спустя он узнал о вакцинации — ему рассказал чернокожий раб, который прошел эту процедуру в Африке и показал Мэзеру свой шрам. Мэзер проверил информацию у негров, живущих в Бостоне, и выяснил, что вакцинация стала общепринятой практикой во многих уголках Африки.

Непосредственно перед тем как Courant Джеймса Франклина дебютировал в 1721 году, корабль *Seahorse* прибыл из Вест-Индии, привезя на борту то, что спровоцировало новую волну оспы. В течение нескольких месяцев девятьсот жителей Бостона умерло. Мэзер, который собирался стать врачом прежде, чем его увлекла карьера проповедника, разослал письма десяти практикующим докторам Бостона (только у одного имелся медицинский диплом). Обобщив свои знания о вакцинации, он убеждал их применить эту практику (Мэзер заметно эволюционировал, далеко позади оставив предрассудки, которые подтолкнули его поддерживать охоту на ведьм в Салеме). Большинство врачей отклонили его предложение (при этом единственной возможной причиной могло стать желание уязвить проповедника с его претензиями). Так же поступил и Джеймс Франклайн в своей газете. Первый выпуск Courant (7 августа 1721 года) содержал очерк, написанный юным другом Джеймса англиканцем* Джоном Чекли, бойким на язык выпускником Оксфорда. Он педалировал сарказм в адрес пуританского духовенства, которое «поучает нас и навязывает нам консервативные методы, усердно молясь, чтобы болезнь покинула наш край, но тем самым восхваляет Оспу!» По этому вопросу также произнес обличительную речь единственный терапевт города, у которого имелась степень по медицине, доктор Уильям Дуглас. Он раскритиковал вакцинацию, назвав ее «средством, годным разве что для пожилых гречанок», и назвал Мэзера и его сторонников «шестью набожными джентльменами, совершенно невежественными в области здоровья». Это первый яркий пример того, как газета в Америке может совершать нападки на правительственные учреждение³⁰.

Мэзер, стареющий глава семейства, метал гром и молнии, заявляя: «Мне остается только пожалеть бедного Франклина: несмотря на молодость, он может преждевременно отправиться на суд Божий». Вместе с сыном Коттон Мэзер написал письмо в конкурирующую газету, осуждая «печально известную скандальную газетенку под названием *Courant*, в которой полно вздора, мизантропии и глупых шуток», и сравнивая ее авторов с членами Клуба адского пламени — широко известной группой франтоватых юных еретиков Лондона. Кузен Коттона, проповедник по имени Томас Уолтер, поддержал утверждение и добавил веса его словам, написав скетч, озаглавленный «*Анти-Courant*».

Отдавая себе полный отчет в том, что публичный плевок поможет отлично продать газеты, и желая принести прибыль обеим сторонам, принимающим участие в споре, Джеймс Франклайн с большой радостью взялся за публикацию и продажу опровержения Томаса Уолтера. Однако внезапно он начал ощущать внутреннее

* Англиканцы являлись представителями англиканства, или англиканской церкви (в дословном переводе — «церковь Англии»), которая сформировалась в ходе английской Реформации. Представляет собой одну из ветвей западного христианства. Окончательно отделилось от Римско-католической церкви во времена правления королевы Елизаветы I. Отчасти напоминает католичество (без признания верховной власти папы римского), протестантизм (без авторитета общепризнанного лидера).

противоречие, которое выбивало его из колеи. Уже спустя несколько недель в предисловии редактора он написал, что запретил Чекли публиковаться в своей газете из-за того, что тот слишком озлоблен и враждебен. Франклин обещал, что отныне Courant станет служить только «безвредному увеселению»: теперь на его страницах опубликуют мнения обеих сторон в споре о вакцинации, если только «в них не будет злобных нападок»³¹.

Бенджамин Франклин умудрился остаться в стороне от сражения с семьей Мэзеров на тему оспы. Он никогда не упоминал о нем в автобиографии или в письмах. Складывается ощущение, что он далеко не гордился тем, что газета примкнула к правому лагерю. Позже Франклин стал яростным защитником вакцинации, болезненно и остро выступал на эту тему сразу же после смерти от оспы своего четырехлетнего сына Фрэнсиса в 1736 году. И как честолюбивый подросток-книголюб, и как человек, ищущий покровительства старших, он в конце концов стал почитателем Коттона Мэзера, а спустя несколько лет — его приятелем.

Книги

Ремесло печатника оказалось для Франклина призванием. «С детских лет мне нравилось читать, — вспоминал он, — и все небольшие средства, которые попадали в мои руки, я всегда тратил на книги». И вправду, книги имели огромное влияние на его жизнь. Ему повезло вырасти в Бостоне, где к библиотекам бережно относились с тех пор, как первых поселенцев города и первые пятьдесят томов привезли сюда в 1630 году на корабле «Арабелла». К тому времени, когда родился Франклин, Коттон Мэзер собрал личную библиотеку, насчитывающую почти три тысячи томов — классическая и научная литература, а также работы по теологии. Такое уважение к книгам было отличительной чертой пуританства Мэзера или философии Просвещения Локка. Эти два мира впоследствии соединятся в личностном мировоззрении Бенджамина Франклина³².

Менее чем в миle от библиотеки Мэзеров находилась маленькая книжная полка Джозайи Франклина. Конечно, при всей ее скромности примечателен факт, что необразованный торговец сальными свечами обзавелся ею как таковой. Пятьдесят лет спустя Франклин все еще помнил названия книг, стоявших на той полке: «Жизнеописания» Плутарха («которыми я зачитывался»), «Опыт о проектах» (An Essay upon Projects) Даниэля Дефо, «Бонифаций: опыты о том, как делать добро» (Bonifacius: Essays to Do Good) Коттона Мэзера и целый ряд «книг религиозно-полемического сочинения».

Как только Франклин приступил к работе в типографии брата, он получил возможность у подмастерьев, работавших на книготорговцев, украдкой брать книги, возвращая их чистыми и незапачканными. «Часто, если книжка одалживалась вечером, я просиживал за чтением большую часть ночи, чтобы вернуть ее рано утром, иначе книги могли хватиться».

Любимые книги Франклина повествовали о путешествиях, как духовных, так и мирских. Самый значимый труд, соединяющий эти мотивы, — «Путешествие пилигрима» (Pilgrim's Progress) Баньяна, сага о настойчивом скитании человека

по имени Христиан на пути к святому граду. Он был опубликован в 1678 году и вскоре приобрел популярность среди пуритан и других диссентеров. Не менее важным, чем религиозное содержание, по крайней мере для Франклина, был новый и свежий стиль повествования, так редко встречающийся в эпоху Реставрации, когда авторы перебарщивали с вычурностью. «Ловкий автор (Баньян) был первым, кто, по моим сведениям, — как правильно заметил Франклин, — соединил повествование и диалог. Такой прием изложения привлекает читателя».

Центральная тема книги Баньяна — переход от пуританства к Просвещению, что соответствовало также и пути Франклина, — заявлена в названии — в слове «путешествие». Здесь выражена идея, что человек и человечество в целом двигаются вперед и совершенствуются, постоянно углубляя знания и мудрость, которые можно приобрести, только покорив превратности судьбы. Тон задают знаменитые слова Христиана в начале: «Странствуя по дикой пустыне этого мира...» Даже верующим это путешествие казалось не только делом рук Божьих, но и результатом стремления человека и людей преодолевать препятствия.

Другой любимой книгой Франклина — и здесь нужно на миг замереть и изумиться увлечениями двенадцатилетнего мальчишки и его выбором досуга — были «Жизнеописания» Плутарха, в основе которых также лежало предположение, что человеческие усилия могут изменить ход истории к лучшему. Герои Плутарха, похожие на героя Баньяна, — почтенные мужи, полагающие, что личные стремления вносят вклад в развитие человечества. Франклин уверовал, что история — это рассказ не о явлениях, которые человек не может преодолеть, а о его усилиях в борьбе.

Эта точка зрения расходилась с некоторыми доктринами кальвинизма (например, непременная порочность человека и предопределенность его жизненного пути). От этих убеждений Франклин в конце концов откажется, проторив дорогу к менее пугающему деизму*, который во время Просвещения стал его верой. Тем не менее многое в пуританстве оставило неизгладимое впечатление, в основном это касается его практических, социальных и общественных аспектов.

Они красноречиво описывались в работе, которую Франклин зачастую приводил как труд, более других повлиявший на него. «Бонифаций: опыты о том, как делать добро» — немногие из четырехсот трудов Коттона Мэзера могут быть названы «беззлобными», но этот — может. «Если я был, — написал Франклин сыну Коттона Мэзера почти семьдесят лет спустя, — полезен обществу, то оно должно воздать за то благодарность этой книге». Первым своим псевдонимом Сайленс Дугуд** Франклин отдал должное и книге, и знаменитой проповеди Мэзера «Сilentarius: безмолвный страдалец».

* Деизм — религиозно-философское учение, признающее существование Бога и сотворение Им мира, но отрицающее Божественное откровение и религиозные установления. Согласно деизму, Бог после сотворения мира не вмешивается в течение событий или, влияя на них, не контролирует полностью. Разум, логика и наблюдение за природой — единственные средства познания Бога и Его воли. Высоко ставя человеческий разум и свободу, деизм стремится привести к гармонии науку и идею о существовании Бога. Идеи деизма связаны с концепцией естественной религии. К деистам принадлежали многие европейские философы и видные политические деятели Америки. *Прим. ред.*

** Англ. Dogood («do good») — делай добро. *Прим. ред.*

Трактат Мэзера призывал членов общины добровольно объединяться во благо обществу. Сам он основал бригаду по улучшению окрестностей (известную как Объединенные семьи), в которую вступил отец Бенджамина. Мэзер также настаивал на создании Объединенных мужских клубов и Реформаторских сообществ по упразднению неустроенности: они должны были заниматься улучшением местных законов, благотворительностью, поощрять поведение, соответствующее религиозным нормам³³.

Взгляды Мэзера сформировались под влиянием «Опыта над проектами» Даниэля Дефо, еще одной любимой книги Франклина. Опубликованная в 1697 году, она предлагала Лондону множество общественных проектов, которые Франклин позже учредит в Филадельфии. Это ассоциации пожарного страхования, добровольные союзы моряков, занимающиеся обеспечением пенсий, планы, предусматривающие благополучную жизнь для пожилых людей и вдов, академии, в которых получат образование выходцы из среднего класса. И (с оттенком юмора, свойственного Дефо) учреждения для содержания умственно отсталых, налоги за которые будут выплачивать их создатели, раз уж им от природы перепало больше умственных способностей, чем несчастным слабоумным³⁴.

Среди самых прогрессивных утверждений Дефо выделялось одно. Оно гласило, что «варварски» и «бесчеловечно» поступают люди, отрицающие право женщин на равное образование и права. «Опыт над проектами» содержит резкую критику такого сексизма. Приблизительно в это же время Франклин и еще один «книжный парень» по имени Джон Коллинс начали вступать в дебаты — занялись своего рода интеллектуальным спортом. Первой темой было женское образование, здесь Коллинс высказывался против. «Я же занял противоположную сторону», — вспоминал Франклин. Не столько по убеждениям, сколько, «вероятно, для того, чтобы поддержать диспут».

В результате шуточных дебатов с Коллинсом Франклин начал работать над собой, стараясь стать менее вздорным и менее склонным к конфронтации. Такой имидж помогал располагать и очаровывать людей. Повзрослев, таким образом справлялся и с немногочисленными, но острыми на язык врагами, каждый из которых был хитер и коварен. Несговорчивость, как он понял, была «очень плохой привычкой»: постоянно всем противореча, он вызывал у людей «отвращение и, возможно, создавал себе врагов». Позднее Франклин с оттенком сухой иронии скажет о спорах: «Разумные люди, по моим наблюдениям, редко принимают в них участие, кроме разве что юристов, выпускников университета и всех, кто воспитан в Эдинбурге».

Далее Франклин обнаружил существование книг по риторике, превозносящих метод спора, изобретенный Сократом: человек задает ряд ненавязчивых вопросов, ему отвечают, никто не обижается. «Я оставил манеру грубо противоречить» и в соответствии с сократическим методом «принял позу смиренного вопрошателя». Задавая, казалось бы, невинные вопросы, Франклин мог заставить людей идти на уступки, которые постепенно помогали ему доказать любое необходимое утверждение. «Я обнаружил, что этот метод самый надежный и ставит в весьма неловкое положение тех, против кого бывает использован; вследствие этого с радостью его

применял». Хотя позже он отверг неприятные аспекты сократического подхода, ему по-прежнему больше нравилась уклончивость, нежели прямая конфронтация в спорах³⁵.

Сайленс Дугуд

Дебаты с Коллинсом по поводу женского образования велись в письмах. Так случилось, что отец Франклина случайно прочитал их переписку. Хотя Джозайя и не примкнул ни к какой из двух сторон диспута (он был по-своему справедлив в этом вопросе, давая некоторое формальное образование всем своим детям обоих полов), отец всерьез раскритиковал сына за слабую и неубедительную аргументацию. В ответ на это не по годам развитый подросток разработал для себя курс по самосовершенствованию с помощью обнаруженной подшивки «Зрителя».

«Зритель» — ежедневная лондонская газета, процветавшая в 1711–1712 годах. На ее страницах важнейшее место отводилось очеркам Джозефа Аддисона* и Ричарда Стила**, исследовавших пороки и ценности современной жизни. Их взгляды были гуманистическими и просветительскими, однако излагались ненавязчиво. Как формулировал Аддисон, «я попытаюсь разнообразить нравоучения остроумием и смягчить колкости моралью».

В ходе самообразования Франклин читал эти очерки и делал короткие записи, откладывая их в сторону на несколько дней. Затем он пытался воссоздать очерк собственными словами, после чего сравнивал свое изложение с оригиналом. Иногда он смешивал все свои записи, заставляя себя искать наилучший вариант изложения, чтобы выстроить аргументацию.

Он перелагал содержание некоторых очерков в стихи, что помогало ему (как он думал) расширить словарный запас — ведь приходилось искать слова, имеющие схожее значение, но другую ритмiku и звуки. Эти произведения через несколько дней также переписывал, но уже в прозаической форме, а затем сравнивал оба варианта, чтобы увидеть, где отклонился от оригинала. Найдя недостатки в своей версии, он правил ее. «Но иногда я с немальным удовольствием сmakовал те редкие моменты, когда в некоторых незначительных деталях мне удавалось улучшить изложение или языки. Это позволяло думать о возможности со временем стать неплохим английским писателем, на что я очень надеялся»³⁶.

Он стал не просто «неплохим», а самым известным писателем в колониальной Америке. Его собственный стиль, возросший на образцах Аддисона и Стила, — это веселая проза, изобилующая диалогами. Пусть ей не хватало поэтических прикрас, зато сильная ее сторона заключалась в прямоте.

Так родилась Сайленс Дугуд. Сочиагт Джеймса Франклина, выстроенный по принципу «Зрителя», предлагал к прочтению дерзкие очерки, публиковавшиеся под псевдонимами. Типография привлекала молодых авторов, которым нравилось

* Аддисон, Джозеф (1672–1719) — публицист, драматург, эстетик, политик и поэт английского Просвещения, один из первых, наряду с Ричардом Стилом и Даниэлем Дефо, журналистов в истории Европы. Писал статьи, политическую поэзию, драматические произведения. Прим. ред.

** Стил, Ричард (1672–1729) — наряду с Аддисоном, один из основателей литературы и журналистики (в том числе и политической) эпохи Просвещения в Англии и в Европе в целом. Прим. ред.

околачиваться поблизости и нахваливать прозу друг друга. Бенджамину хотелось присоединиться к этой компании, но он знал, что Джеймс уже тогда ревностно относился к начинаниям юного брата и вряд ли поощрил бы это. «Прислушиваясь к разговорам и похвальным отзывам, которые молодые люди получали благодаря газетам, я горел желанием испытать свои силы наравне с ними».

И вот однажды ночью Франклин, изменив почерк, написал некое сочинение и подсунул его под дверь типографии. Сотрудники Courant, собравшиеся на следующий день, похвалили анонимное произведение, а Франклин испытал «исключительное наслаждение», выслушав, как они принимают решение разместить его очерк на заглавной странице в следующий понедельник, 2 апреля 1722 года.

Вымышенный литературный персонаж Франклина стал триумфом воображения. Сайлэнс Дугуд была немного жеманной вдовой, жительницей сельской местности — образ, созданный бойким неженатым бостонским подростком, который ни одной ночи не провел за пределами города. Несмотря на неоднородное качество очерков, убедительность Франклина в роли женщины была невероятна: она отражала как его творческие способности, так и понимание женской психологии.

Уже с самого начала явственно звучали отголоски аддисоновских взглядов. В своем первом очерке, опубликованном в «Зрителе», Аддисон писал: «Я заметил, что редкий читатель станет внимательно читать книгу, не зная, чернокожий или белый человек написал ее, болел он холерой или нет, был женат или холост». Потому-то Франклин и начал свое произведение с введения от лица вымышенной рассказчицы: «Замечено, что нынче большинство людей не желают ни хвалить, ни ругать прочитанное, если только им не станет известно, хотя бы в некоторой степени, кто автор написанного, беден он или богат, стар или молод, ученый или простолюдин».

Очерки Сайлэнс Дугуд исторически значимы, так как это один из первых примеров американского юмора. Здесь преобладает ироничное смешение фольклорных рассказов и подробных наблюдений, которое было подхвачено такими авторами, как Марк Твен и Уилл Роджерс. Например, во втором своем сочинении Сайлэнс Дугуд рассказывает, как приходской священник решил на ней жениться: «Предприняв ряд безуспешных и бесплодных попыток по ухаживанию за более привлекательными особами нашего пола, он устал от бессмысленных волнительных походов и визитов и, к большой моей неожиданности, положил глаз на меня... Вряд ли есть другое время в жизни мужчины, когда он ведет себя глупее и нелепее, чем в момент ухаживаний».

Образ миссис Дугуд, созданный Франклином, — ловкий литературный прием, который требовал определенной искусности от шестнадцатилетнего мальчика. «Меня можно было бы с легкостью убедить снова выйти замуж, — утверждал он от ее лица. — Я обходительна и учтива, добродушна (если меня не провоцировать), недурна собой и временами остроумна». Вкрапление в виде слова «временами» использовано особенно ловко. Описывая свои взгляды и ценности, Франклин наделил миссис Дугуд отношением к жизни, которое с его легкой руки станет частью зарождающегося американского духа: «Я... смертельный враг despoticного правительства и всевластия. Я от природы очень ревностно отношусь к правам и свободе выбора в своей стране; и даже наименьший намек на нарушение этих бесценных привилегий

способен заставить мою кровь вскипеть. Также у меня есть природная склонность наблюдать людей и корить их за недостатки — к этому у меня настоящий дар». Это описание подходило самому Бенджамина Франклину — и типичному американцу как таковому. Похоже, оно актуально и сегодня³⁷.

Из четырнадцати очерков Дугуд, написанных Франклином между апрелем и октябрем 1722 года, есть одно сочинение, не относящееся ни к журналистике, ни к самоизобличению. Это его атака на колледж, в котором ему так и не пришлось учиться. Большинство его одноклассников, которых он обогнал в бостонской Латинской школе, только что поступили в Гарвард, и Франклин не мог удержаться, чтобы не написать пасквиль на них и это учреждение. Он использовал форму аллегоричного повествования в виде сновидения. Таким образом, Франклин позаимствовал идею, а возможно, и несколько спародировал «Путешествие пилигрима» Баньяна — другое аллегорическое путешествие, проходящее как бы во сне. Аддисон использовал эту форму в выпуске «Зрителя», прочитанном Франклином. Там рассказывался сон банкира о девственнике по имени Государственный Кредит³⁸.

В своем очерке миссис Дугуд подробно излагает историю, как она уснула под яблоней, размышая над тем, как бы отправить сына в Гарвард. Во сне во время путешествия к этому храму науки она делает открытие, касающееся людей, отославших туда своих детей: «Большинство из них исходили из возможностей своего кошелька, а не развитости чад: чтобы выяснить это, я за многими наблюдала, более того, большинство из державших путь в эту сторону были болванами и олухами». Врата храма, как она обнаружила, охраняются «двумя крепкими дворецкими по имени Богатство и Бедность», и войти могут только те, кого они одобрят. Большинство учащихся рады бесцельно болтать с существами, называющими себя Праздность и Невежество. «Они учатся разве что тому, как красиво себя подать, как элегантно войти в комнату (эти умения с таким же успехом можно получить в школе танцев), и возвращаются оттуда, после множества сложностей и затрат, такими же болванами и олухами, как и были, разве что более самодовольными и чванливыми».

Обратив внимание на предложения Мэзера и Дефо относительно волонтерских гражданских объединений, Франклин посвятил два очерка Сайленс Дугуд теме пособий для незамужних женщин. Вдовам, подобным ей самой, миссис Дугуд предлагала систему страхования, которая давала бы им деньги за счет взносов супружеских пар. Следующий очерк развел эту идею и для старых дев. Предлагалось сформировать «общество взаимопомощи», которое гарантирует «пятьсот фунтов наличными» любой женщине, достигшей возраста тридцати лет в случае, если она все еще не вышла замуж. Деньги, как упоминала миссис Дугуд, должны выдаваться на определенных условиях: «Ни одной женщине, предъявившей требования и получившей деньги, при счастливом стечении обстоятельств и вступлении в брак не разрешается принимать каких-либо гостей, [восхвалять] своего мужа более одного часа под страхом после первого нарушения возвратить половину денег ведомству, а после второго — оставшуюся часть суммы». Эти очерки написаны Франклином, конечно же, с оттенком сатиры. Но его интерес к общественным объединениям позже будет выражен более серьезно, а данное утверждение подтвердится, когда в Филадельфии он закрепит за собой положение молодого предпринимателя.

Тщеславие Франклина еще более распалилось летом 1722 года, когда брата без суда и следствия на три недели заключили в тюрьму по распоряжению властей Массачусетса за «глубокое оскорбление» и сомнение в компетентности по вопросу поимки пиратов. На протяжении трех выпусков Бенджамин руководил изданием газеты.

В автобиографии он хвастается: «В моих руках было управление газетой, и я позволил себе несколько нападок на наших правителей, что мой брат воспринял с большой благосклонностью. В то же время у всех остальных сложилось обо мне весьма неблагоприятное впечатление как о молодом таланте, имеющем склонность к клевете и сатире». Фактически, помимо письма к читателям, написанного Джеймсом из тюрьмы, в этих трех выпусках Бенджамина не было никаких других прямых вызовов городским властям. Самым рискованным из всего была отсылка в статье миссис Дугуд к сочинению в английской газете, защищавшей свободу слова.

«Без свободы мысли не может быть никакой мудрости, — утверждалось в вышеупомянутом сочинении, — и никакой гражданской свободы не может быть без свободы слова»³⁹.

«Нападки», о которых вспоминает Франклин, он совершил неделей позже, после возвращения брата из тюрьмы. В статье Сайленс Дугуд он осуществил ожесточенное нападение на местные власти, возможно, самое едкое за всю свою карьеру. Вопрос, поставленный миссис Дугуд, звучал так: «Из-за кого же Содружество страдает больше: из-за лицемерных притворщиков или откровенных профанов?»

Не приходится удивляться, что миссис Дугуд Франклина доказывала: «Некоторые недавние мысли такого рода утвердили меня в мнении, что лицемер, если он занимает пост в правительстве, — более опасный из двух вариантов». В этом отрывке критикуется связь церкви и правительства штата, а ведь именно на этом принципе основано пуританское государство. Франклин (хоть и не называя имени) приводит в пример губернатора Томаса Дадли, который перешел от духовенства к законодательной власти: «Самый опасный лицемер в Содружестве — тот, кто оставляет Слово Божие, чтобы заняться юриспруденцией. Человек, соединивший профессии юриста и проповедника, способен обмануть всю страну религиозным учением, а затем дезавуировать и его, якобы руководствуясь законом»⁴⁰.

К осени 1722 года у Франклина иссякли идеи для Сайленс Дугуд. Еще хуже, что его брат начал подозревать, откуда берутся эти статьи. В своем тринадцатом опусе Сайленс Дугуд написала, как однажды ночью она подслушала разговор. Один джентльмен сказал: «Хоть я и писал от лица женщины, было известно, что я мужчина; но мужчине нужно усиленно работать над собой, а не практиковаться в остроумии, высмеивая других». Следующую статью Дугуд Франклин сделал последней. Когда он открыл, кто на самом деле скрывался за личиной миссис Дугуд, его статус среди читателей и авторов Courant возрос. Однако «это не очень порадовало» Джеймса. «Он подумал, должно быть, справедливо, что из-за этого я стану слишком тщеславным».

Сайленс Дугуд сошли с рук ее выпады против двуличности и религии, но когда Джеймс сочинил похожую статью в январе 1723 года, то снова попал в беду. «Из всех жуликов, — писал он, — наихудшие — это жулики религиозные». Религия была важна, писал он словами, которые точно отражали жизненные взгляды его младшего брата, и в придачу добавлял: «Слишком много религии хуже, чем вовсе никакой».

Местные власти, отметив, «что вышеупомянутая газета склонна насмехаться над религией», незамедлительно выпустили приказ, требующий от Джеймса предъявлять каждый выпуск местным властям для утверждения перед публикацией. Джеймс открыто не повиновался приказу, смакуя свой протест.

Законодательное собрание ответило Джеймсу Франклину запретом на публикацию *Courant*. На секретном собрании в типографии было решено, что лучший способ обойти закон — печатать газету, но так, чтобы Джеймс не значился издателем. В по-недельник 11 февраля 1723 года вверху на первой странице *Courant* появилась надпись: «Напечатано и реализовано Бенджамином Франклином».

Под руководством Бенджамина *Courant* стал осмотрительнее, чем под руководством его брата. Передовая статья в первом выпуске осуждала «отвратительные» и «злоказненные» публикации и вновь объявляла, что дальнейшие выпуски *Courant* будут «разработаны исключительно для развлечения и увеселения читателя», а также для того, чтобы «позабавить город самыми комичными и увеселительными случаями из жизни». Владельцем газеты, как утверждалось в передовой статье, будет греческий бог Янус, который может смотреть в двух направлениях одновременно⁴¹.

Однако только следующие несколько выпусков соответствовали этому заявлению. Большинство статей оказалось несколько устаревшими официальными отчетами, содержащими зарубежные новости или старые речи. Только одно сочинение безусловно написано Франклином — ироничное размышление над глупостью таких званий, как виконт или господин. (Его отвращение к наследственным аристократическим титулам станет темой, проходящей через всю его жизнь.) Спустя несколько недель Джеймс хоть и не официально, но фактически вернулся к управлению *Courant*. При этом он продолжал относиться к Бенджамина скорее как к подмастерью, чем как к брату и сотруднику газеты и писателю, что означало периодические побои. Такое обращение «слишком меня унижало», вспоминал Франклин, поэтому у него возникло желание двигаться вперед. Все сильнее становилось стремление юноши к независимости, которое помогло ему однажды создать характерный тип американского героя.

Беглец

Франклину удалось увиливнуть, воспользовавшись уловкой, придуманной братом в личных интересах. Притворяясь, будто передает руководство *Courant* Бенджамина, Джеймс, чтобы сделать передачу управления законной, подписал бумагу об официальном прекращении обязательств своего подмастерья. Позже он заставил Бенджамина подписать новое соглашение, которое должно было оставаться в тайне. Несколько месяцев спустя Бенджамин решил бежать. Он сделал верный вывод, понимая, насколько неблагоразумным было бы обнародовать секретный договор.

Бенджамин Франклин оставил брата, чья газета со временем постепенно пришла в упадок. Ее репутация потускнела, и теперь ей отводится скромное место исторического примечания. Джеймс был обречен уйти в прошлое: причиной тому и острое перо

его брата, и его собственный взрывной характер, «который слишком часто побуждал его награждать меня тумаками». И в самом деле, его значение в жизни Франклина отражено в резком замечании («Автобиография»), написанном Франклином, когда он выступал от лица колоний, противостоящих британскому правлению: «Я благодарен за его жесткое и тиранническое обращение, ведь оно очень повлияло на меня, вызвав отвращение к деспотичной власти, оставшееся у меня на всю жизнь».

Джеймс заслуживает большего. Да, Франклин с его легкой руки узнал об «отвращении к деспотичной власти». Но дело не только в вышеупомянутых колотушках. Помимо этого Джеймс, храбро и мужественно бросивший вызов бостонской правящей элите, послужил для брата примером. Джеймс был первым большим борцом за независимую прессу в Америке, и именно он оказал самое значительное влияние на младшего брата в сфере журналистики.

Он также повлиял на его литературные склонности. Сайленс Дугуд, смоделированная по принципу Аддисона и Стила, могла возникнуть в голове у Бенджамина, но фактически своим незамысловатым просторечием и умением общаться с людьми различных сословий она больше напоминала Эбигейл Афтервйт, Джека Далмена и других вымышленных персонажей, созданных Джеймсом для газеты *Courant*.

Разрыв Бенджамина с братом принес удачу его карьере. Вырасти в Бостоне было везением, но свободомыслящему деисту, не посещавшему Гарвард, тесный городок не смог бы дать многое. «Я уже выставил себя в неблагоприятном свете перед правящей партией, — писал он позже, — и велика была вероятность того, что если я останусь, вскоре у меня начнутся неприятности». Его насмешки над религией привели к тому, что в него стали тыкать пальцем «хорошие люди, ужасавшиеся моему безбожию и атеизму». В общем и целом, самое время оставить и брата, и Бостон⁴².

Среди первых поселенцев Америки существовала традиция: когда в населенном пункте становилось слишком много ограничений, люди быстро перебирались на незаселенную местность. Но Франклин относился к другому виду американских бунтарей. Дикая местность не манила его. Напротив, его влекли к себе новые торговые центры, Нью-Йорк и Филадельфия. Там имелись шансы добиться успеха, так, чтобы человек был обязан только самому себе. Джон Уинтроп мог вести за собой группу пуритан, держа путь на дикие неизведанные земли; Франклин, напротив, относился к новому поколению, совершившему путешествие по торговым улицам.

Побоявшись, как бы брат не попытался задержать его, Франклин позаботился, чтобы друг тайно оплатил ему проезд на сторожевом судне до Нью-Йорка. Чтобы осуществить задуманное, он сочинил легенду, будто бы некоему молодому человеку нужно улизнуть, так как он «ввязался в интрижку с девушкой легкого поведения» (или, как сформулировал Франклин в более раннем наброске, «осчастлиши публичную девку ребенком»). Продав некоторые книги, чтобы оплатить проезд, семнадцатилетний Франклин отправился в плавание при попутном ветре вечером в среду, 25 сентября 1723 года. В следующий понедельник в *New England Courant* было опубликовано краткое и немного грустное объявление: «Джеймс Франклин, печатник на Квин-стрит, ищет способного парня на место подмастерья»⁴³.